

Присутствие русских монахов на Афоне (XI - XX вв.)

/ Ξένες γλώσσες / по Русский

*Αντώνι-Εμίλ Ν. Ταχιαός
Заслуженный профессор Университета Аристотель, Фессалоники
Член-корреспондент Афинской Академии*

- 1. Первые контакты русских с Афоном**
- 2. Создание русского монастыря на Афоне**
- 3. Выдающиеся русские монахи на Афоне в XIV-XV вв.**
- 4. Личности XVIII-XIX веков**
- 5. Революция 1917 года и её последствия для русского монашества на Афоне и XX век.**

1. Первые контакты русских с Афоном

Святая Гора Афон занимает особое место в истории не только Византийской империи, в состав которой она входила, но и всей Восточной Православной церкви. Будучи значительным центром монашеской жизни, на протяжении столетий явившим миру множество святых и сыгравшим решающую роль в развитии православного монашества, естественным образом Афон стал мощным полюсом притяжения для народов, принявших христианство при посредничестве Византии и вошедших в сферу её культурного и духовного влияния. К их числу принадлежит и великий русский народ, крестившийся в 988 г. и вошедший в семью православных наций.

Сложно с точностью определить дату начала взаимоотношений между Русью и Святой Горой. Трудности, связанные с исследованием этой темы, обусловлены не только нехваткой полноценных исторических источников, но и неточностью тех немногих из них, что дошли до нашего времени. О начале духовных связей Руси с Афонским полуостровом можно сказать с уверенностью лишь то, что оно практически полностью совпадает с эпохой принятия христианства и заложения основ монашества на Руси, то есть относится к X веку.

Святая Гора приобрела особую духовную притягательность для новообращённых в православную веру славян в эпоху святого Афанасия Афонского, в 963 г. основавшего общежительный монастырь Великой Лавры. Среди учеников святого Афанасия были иберы; неподалёку же от Великой Лавры подвизались итальянские монахи из Амальфи, обустроившие свою собственную обитель. Вполне вероятно, что в числе последователей святого Афанасия были и балканские славяне. Эта гипотеза подкрепляется тем фактом, что славяне упоминаются в Житии святого Афанасия. Кроме того, в древнейших афонских документах упоминаются болгары. В золотой булле императора Романа от 960 г. говорится о сорока получивших свободу париках (зависимых крестьянах) монастыря Иоанна Колова, которые происходили из «славян болгар», «поселившихся» в области Иериссоса. Более того, в одном из документов Иверского монастыря от 982 г. существует подпись иерея Георгия, сделанная глаголическим письмом, то есть при помощи древнейшего славянского алфавита. Вполне возможно, что некоторые из болгар, упомянутых в золотой булле Романа, стали монахами на Афоне, и, таким образом, существует некая доля исторической правды в Рассказе о Зографских мучениках, согласно которому основание этой обители восходит к X в.

Свидетельства о присутствии славянских монахов на Святой Горе в эту эпоху дополняются, помимо прочего, важными памятниками древней славянской церковной литературы, созданными на Афоне. Это два древнейших глаголических Евангелия. Кроме них, до нас дошёл древний славянский перевод «Больших монашеских правил» Василия Великого. Языковые особенности этого труда свидетельствуют о том, что автором перевода был болгарский монах из восточной части Болгарии. Эти письменные памятники ясно говорят не только о появлении славян и болгар на Афоне, но и о существовании там славянского монашеского центра, в котором продолжалось дело первых славянских учеников Кирилла и Мефодия, то есть выполнение переводов греческих церковных книг, обогащавших славянскую духовную литературу, находившуюся ещё только в самом начале своего становления.

Со времени принятия христианства у русского народа были вполне определённые причины уважать монашескую жизнь и восхищаться ей. Русские люди знали, что апостолы и просветители славян святые Кирилл и Мефодий приняли монашеский постриг; им было известно также и то, что монахи были среди клириков, приехавших из Византии по приглашению

князя Владимира, который и побудил их к принятию крещения. Слава Афона как величайшего монашеского центра Восточной церкви не заставила ждать себя на Руси и создала там атмосферу, крайне благоприятную для путешествий русских на Афон и их поселения в святогорских монастырях. Уже в X в. тесные связи Руси с Византийской империей и Болгарией позволяли установить духовное общение с византийскими монастырями, особенно же с обителями Святой Горы. Недавно принявшие христианскую веру русские, чтобы обеспечить себя церковной литературой на славянском языке, обращались в первую очередь к Болгарии, находившейся в постоянной связи с Византией и уже успевшей создать первые образцы славянской литературы. Информация о том, что на Афоне болгары выполняют ценные переводы, несомненно, усиливала славу монашеского государства в пределах новообращённой Руси.

Касательно появления первых русских на Святой Горе ничто не может быть сказано с абсолютной уверенностью. Единственное ясное историческое свидетельство, связанное с пребыванием русского на Святой Горе, мы находим в древнейшей русской летописи, Повести временных лет, под 1051 годом. Там рассказывается о том, как некий мирянин, происходивший из города Любеча, решил совершить путешествие за пределами русских княжеств и оказался на Афоне. Посетив несколько святогорских монастырей, он остановился в одном из них и попросил игумена постричь его в монахи. Игумен выполнил его просьбу и при постриге нарёк его Антонием. Научив его всему необходимому касательно монашеской жизни, игумен напутствовал его словами: «Иди на Русь обратно и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя пойдёт много чернецов». По возвращении в Киев Антоний задумался о месте своего дальнейшего поселения, потому что существующие монастыри не удовлетворяли его представлениям. После скитаний он остановился у холма, где некогда вырыл пещеру и подвизался монах Иларион, впоследствии ставший митрополитом Киевским и всея Руси. Эта пещера понравилась Антонию, и он устроился в ней, обращаясь к Богу с такой молитвой: «Господи! Устрой меня на месте этом, и да будет на нём благословение Святой Горы и моего игумена, постригшего меня». С тех пор Антоний жил в пещере, и к нему присоединились ещё двенадцать монахов, с помощью которых он расширил пещеру и выстроил храм. Своим сподвижникам Антоний говорил: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословию Святой Горы, по которому меня постриг игумен её, а я вас постриг — да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». Благословив братию, Антоний избрал игуменом одного монаха, по имени Варлаам, а сам удалился в пустыню, где провёл в аскетических

упражнениях целых сорок лет. Вскоре после ухода Антония из пещеры к нему пришли монахи, прося благословения на строительство нового, более просторного, храма рядом с пещерой. Позже они попросили благословения на основание монастыря. Антоний с особой радостью выслушал их решение основать монастырь и благословил их, говоря: «Благословен бог во всём, и молитва святой Богородицы и святогорских отцов да будет с вами». В дальнейшем Антоний попросил помощи у киевского князя Изяслава, который любезно её предоставил, и была основана знаменитая Киево-Печерская лавра, о которой летописец замечает: «Пошёл же монастырь Печерский от благословения Святой Горы».

Сколь бы ясными ни казались при первом прочтении свидетельства летописи о преподобном Антонии и его поездке на Святую Гору, при внимательном и строгом изучении оказывается, что они изрядно запутаны. Это обусловлено несколькими причинами: и анахронизмами, встречающимися у летописца, и тем фактом, что его основной целью при описании путешествия Антония на Святую Гору было не повествование о первых связях Руси с Афонским полуостровом, но изложение обстоятельств, при которых была основана Киево-Печерская лавра, и, наконец, тем, что русское монашество всегда особо подчёркивало своё происхождение от Афона. Мы знаем, что Антоний прожил в пещере сорок лет и скончался в 1073 году. Но, если учесть, что он умер в возрасте 90 лет, получится, что в 1051 г., когда он решил поехать на Святую Гору, ему шёл уже шестьдесят восьмой год, что выглядит невероятным и вызывает подозрения насчёт точности хронологических данных.

Из рассмотренного рассказа русской летописи явственно видно, что её автор, желая рассказать об основании Киево-Печерской лавры, начал повествование с путешествия Антония на Афон и связал основание знаменитого монастыря с афонским монашеским государством. Благодаря этой связи русский монастырь получал особую значимость как имеющий благословение Святой Горы, непосредственно связанный с крупнейшим в то время монашеским центром православного мира. Хронологические неувязки, присутствующие в летописи, пытается некоторым образом разрешить русский монах Нестор, чьё повествование об Антонии включено в Киевопечерский патерик. Он сообщает о двух поездках Антония на Святую Гору, одна из которых состоялась в эпоху правления князя Владимира (978-1015), а другая – при князе Изяславе (1054-1073, 1076-1078). Эта версия выглядит маловероятной, хотя в прошлом она находила сторонников. Как бы то ни было, 1051 г., который летопись предлагает в качестве даты отправления Антония на Святую Гору, должен

быть отвергнут в любом случае, поскольку все данные убеждают нас в том, что Антоний оказался на Афоне гораздо раньше. Кроме того, из филологического анализа текста видно, что путешествие Антония было связано с 1051 г. потому, что именно в этом году первый насельник киевской пещеры, монах Иларион, был избран митрополитом Киевским, и эту пещеру занял просиявший в лике святых Антоний Печерский.

В планы нашего очерка не входит строгая критика упомянутых исторических источников, но, напротив, мы хотели бы подчеркнуть здесь два важных факта, почерпнутых из них. Во-первых, основатель знаменитой Киево-Печерской лавры, святой Антоний, принял монашеский постриг на Святой Горе. Во-вторых, само основание этого великого русского монастыря непосредственно связано с монашеством Афонского полуострова. И то, и другое придаёт основополагающую и непреходящую значимость истокам русского монашества, берущим начало в святом месте, ставшем центром монашеской жизни всего православного мира.

О связях русского народа со Святой Горой существуют косвенные свидетельства, благодаря которым можно датировать начало этих взаимоотношений временем более ранним, чем поездка святого Антония. В Житии святого Моисея Угурина говорится, что после 1019 г., когда тот был пленником в Польше и претерпел мучения за веру, равно как и немало искушений от одной знатной женщины, «Приехал из Святой Горы некий монах, саном иерей, присланный Богом, и пришёл к блаженному и облек его ангельским чином». В дальнейшем он научил его многому о духовной чистоте и о том, что нельзя поддаваться врагу. Независимо от того, насколько верны в историческом отношении эти свидетельства, исключительно важно то, что автор, повествующий о жизни святого Моисея, в самый тяжёлый момент претерпеваемых им страданий изображает афонского инока, посланного Богом, чтобы через монашеский постриг избавить его от искушения и духовного порабощения. Кроме этого рассказа, существует и одно сообщение, происходящее из позднейшей русской летописи, согласно которому, русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Горе был построен князем Владимиром, крестителем русского народа. Это сообщение восходит к древней славянской традиции, возродившейся в XVI веке.

2. Создание русского монастыря на Афоне

На подмогу рассмотренным выше традициям о присутствии русских на Афоне или связях русского народа с этим местом приходят более ясные свидетельства святогорских документов. Они не позволяют сомневаться в том факте, что уже с начала XI в. русские не только бывали на Святой Горе, но и имели там свой собственный монастырь. Разумеется, отдельные и спорадические эпизоды пребывания русских на Афонском полуострове имели место ещё задолго до основания монастыря, которое состоялось примерно в конце X в. В одном из актов Великой Лавры святого Афанасия зафиксирована подпись настоятеля первого русского монастыря на Афоне. Этот документ датируется 1016 годом и является соглашением монахов Николая и Симеона по вопросам управления монастырём Предтечи. Среди прочих подписей, подтверждающих соглашение, мы читаем: «Герасим монах, милостию Божией пресвитер и игумен обители Роса, свидетельствуя, собственноручно подписал». Никак нельзя усомниться в том, что здесь перед нами находится свидетельство о существовании русского монастыря на Святой Горе. В ту эпоху русский народ и его страна обозначались на греческом языке несклоняемым именем собственным «Рос» (Ῥωσ), в первый раз упомянутым в документе патриарха Константинопольского Фотия в 867 году. Конечно, трудно определить, где именно располагался этот монастырь, по той простой причине, что больше в акте о нём ничего не сказано.

Русская афонская обитель снова упоминается в святогорских документах в 1030 году, но на этот раз с названием «Пресвятой Богородицы Ксилургу (Древодела)». Возможно, кто-то из русских монахов, живших там, прославился как замечательный плотник, и обитель получила название благодаря его таланту. Какими были связи этой обители с Русью, остаётся неизвестным, но, в любом случае, не лишена оснований гипотеза о том, что там подвизалось много русских монахов, и что её развитию содействовал киевский князь Ярослав Мудрый (1019-1054), чей интерес к разнообразным церковным вопросам был широко известен в ту эпоху. В 1030 году монастырь Ксилургу купил келлию Димитрия Халкейского, что говорит о его экономической состоятельности. По этой причине представляется возможным, что русский монастырь на Святой Горе к тому времени уже начал получать экономическую помощь от русских властей.

Весной 1043 г., после убийства одного знатного русского в Константинополе, связи между Русью и Византийской империей были расторгнуты. Русские напали на Константинополь с моря, и так начались военные действия между

двумя государствами. Русские корабли вошли в Босфор с целью захвата столицы империи, но были разбиты византийцами. В конечном итоге дипломатические отношения Византии и Руси были восстановлены около 1047 г. подписанием мирного договора, и стали очень тесными после заключения брака князя Всеволода Ярославича и дочери византийского императора Константина Мономаха. Русско-византийская война неизбежно повлияла на жизнь русского монастыря на Святой Горе. Появление русского флота в византийском водном пространстве могло вызвать у святогорцев мысль о том, что русские захватчики собираются использовать в качестве своего опорного пункта русскую обитель, которая, как, впрочем, и все монастыри того времени, была выстроена наподобие крепости с каменными стенами и башнями. Афонский акт, составленный в 1048 году, то есть через год после окончания военных действий, обязывал Григория, игумена Дометиева монастыря, возместить ущерб, нанесённый его монахами пристани и лодкам обители Ксилургу. Можно предположить, что разрушения были совершены именно по изложенной выше причине, в период русско-византийской войны. Обязательство было наложено на игумена Григория императорским питтакием (указом), которого испросили русские монахи и который был послан Проту Святой Горы. Русские монахи осмелились обратиться непосредственно к византийскому императору, который всего лишь тремя годами раньше, в сентябре 1045 года, утвердил святогорский Типикон (Устав), где ясно говорилось о действовавшем для афонских монахов запрете на обращение к императору по вопросам, которые могли быть решены святогорскими властями. Этот факт свидетельствует о том, что русско-византийские отношения в то время находились на крайне высоком уровне, позволявшем русским инокам свободно излагать императору свою позицию.

Из всего сказанного становится ясно, что, когда на Афон прибыл святой Антоний, речь о котором заходила раньше, русское монашество уже обрело там некие традиции. Приехав на Афон, святой Антоний обнаружил там полностью сформировавшийся русский монастырь, в котором и остановился, посетив перед тем, вероятно, и другие обители, где имелись славянские монахи. Святой Антоний благодаря своей праведности стал наиболее выдающимся русским монахом этого периода. Его вклад в расцвет монашества на Руси имел величайшее значение, и именно по этой причине летописец счёл необходимым рассказать о его поездке на Святую Гору. Святой Антоний перенёс на русскую почву образец монашества и благословение этого священного места.

Из одного документа 1142 года мы узнаём, что в русском монастыре состоялось собрание множества игуменов и монахов, выполнивших опись движимого имущества монастыря. Объём и количество важных и дорогостоящих предметов, едва ли не все из которых имели русское происхождение, позволяют предположить, что братия монастыря была весьма многочисленной и насчитывала значительное количество отцов. Особый интерес представляет опись русских книг, которые имелись в обители и состояли из пяти Апостолов, двух Параклитиков, пяти Осмогласников, пяти Ирмологиев, пяти Синаксариев, двенадцати Миней, двух Патериков, пяти Псалтирей, трудов св. Ефрема, Жития св. Панкратия, пяти Часословов и одного Номоканона – в общей сложности сорока девяти книг. Существование в монастыре стольких славянских рукописных книг является свидетельством не только о численности монахов, но и о том, что в обители осуществлялись переводы с греческого языка и копирование церковных трудов. Так этот акт 1142 года непосредственно сообщает нам о том, что русский монастырь в тот период являлся существенным духовным центром, из которого, очевидно, на Русь распространялось значительное количество рукописей с переводными греческими текстами.

Постоянное увеличение числа монахов, приезжавших из Руси, создало проблемы с местом их проживания в обители Ксилургу. Вскоре игумен Панкратий был вынужден начать поиск нового места на Святой Горе, куда он мог бы перебраться вместе со своей многочисленной братией. По этой причине 15 августа 1169 года Панкратий предстал перед Собором Святой Горы и попросил дать русским монахам какой-нибудь разрушенный и заброшенный монастырь, где они могли бы поселиться. Святогорский Собор рассмотрел его просьбу и передал игумену русского монастыря некогда цветущий монастырь Фессалоникийца, в то время уже практически разрушенный. Эта обитель располагается высоко в горах и сейчас носит имя Старый Руссик (или, по-гречески, Палеомонастиро – «Старый монастырь»). В новой обители, отремонтированной должным образом, русская братия продолжила подвизаться, соблюдая те же правила, что и раньше.

О русских монахах на Афоне в XII и XIII в. существуют свидетельства славянских источников, из которых следует, что их монастырь отличался хорошим личным составом и поддерживал связи с другими славянскими странами. В конце XII в. в Сербии находился один русский святогорец, своей проповедью увлекший в монашество сына сербского крала Стефана Немани, который, получив при постриге имя Савва, стал одним из величайших святых

сербского народа. Святой Савва приехал на Святую Гору около 1192 г. и вначале жил в общежительном русском монастыре Фессалоникийца, уже получившем к тому времени имя Свято-Пантелеимонова. Затем, вместе со своим отцом, также принявшим монашеский постриг, св. Савва в 1198 г. основал Хиландарский монастырь. В этот период русские занимали третье по численности место на Святой Горе, после греков и иберов(грузин).

Если русские святогорцы в ту эпоху поддерживали тесные связи с южными славянами, своими языковыми и племенными родственниками, ещё более тесной должна была быть их связь со своим отечеством, то есть с Русью. Как уже было замечено, на Руси стало известно об Афоне уже вскоре после принятия христианства, но и паломнические путешествия русских по Святым местам Востока, начавшиеся в XI в., сыграли большую роль в знакомстве русского народа со Святой Горой и установлении взаимоотношений с ней. Существовали три духовных центра Православия, с которыми русский мир стремился установить тесный контакт – Константинополь, Афон и Иерусалим. Русские обращались к этим центрам, желая получить знания от более опытных греческих монахов и вооружиться книгами, необходимыми для развития русской церковной литературы.

К середине XIII в. Афон приобрёл для русского народа столь большое значение, что в некоторых епархиях при избрании епископа предпочтение отдавалось священникам, имевшим святогорское происхождение. В качестве характерного примера здесь можно привести избрание святогорца в епископы Владимирской епархии. Галицкие князья Даниил и Василько Романовичи настояли на поставлении русского афонского монаха Иоасафа епископом Владимирской епархии, а после его смерти епископскую кафедру унаследовал Василий, тоже святогорец. Примерно в тот же период в Черниговской епархии епископом был поставлен афонский монах Евфросин, который, согласно одной традиции, перевёз с Афона на Русь знаменитую икону Богородицы Одигитрии.

Слава Святых мест и Афона распространилась вплоть до северо-западной Руси, как можно видеть из следующего примера. Войшелг (Вышелк), сын Миндовга, княжившего в языческой Литве, познакомился с православной верой, судя по всему, благодаря русским, находившимся в его земле. Новые религиозные убеждения заставили его покинуть родину и в 1265 г. отправиться в Византийскую империю, центр православия, чтобы принять крещение. Первоначально он направился на гору Синай, где завершилось его обращение и он был крещён, потом же отправился на Афон, где принял

монашеский постриг и прожил три года. Затем он вернулся на родину и стал горячим проповедником православной веры, но встретил сопротивление своего отца Миндовга и поэтому обосновался в населённом христианами месте и основал там монастырь, распространяя свет православного монашества, с которым он познакомился на Синае и, в большей степени, на Святой Горе, где сам он стал монахом.

Близ города Владимира в западной части Руси существовал так называемый Святогорский монастырь, поддерживавший связь с Киево-Печерской Лаврой. Очевидно, эта обитель получила имя «Святогорской» благодаря контактам со Святой Горой. Но и Киево-Печерский монастырь, являвшийся самым крупным в истории Древней Руси, не прекращал общения как с Афоном в целом, так и, в особенности, с тамошним русским монастырём со времён его основания. Связи Западной Руси со Святой Горой, развившиеся до очень высокого уровня, пережили период кризиса между 1237 и 1240 годами, когда в результате татаро-монгольского нашествия Киевская Русь попала под иго. В результате этого была прекращена экономическая поддержка, которую получал русский монастырь на Афоне, что привело его к долгому периоду бедности и нужды. Но и дальнейшая история Византийской империи и балканских славянских государств создала крайне сложные условия для общения русского народа со Святой Горой и, в частности, с русской афонской обителью. На протяжении XIII, XIV и XV вв. эти территории постоянно подвергались нападениям французских рыцарей, каталонцев и других завоевателей, а затем Византия, Болгария и Сербия были захвачены турками. Особо сильно русский монастырь пострадал в 1309 г., когда он был сожжён каталонскими наёмниками, в результате чего в огне погибли все хранившиеся там сокровища, рукописи и документы. В пожаре уцелела только монастырская башня. Таким образом, монастырь лишился и документов, подтверждавших его имущественные владения. В качестве возмещения этой потери в сентябре 1312 г. император Андроник II Палеолог издал золотую буллу (особую грамоту), которой закреплял право «святого русского монастыря» на земельную собственность в Фессалонике, Каламари и на полуострове Халкидики.

3. Выдающиеся русские монахи на Афоне в XIV-XV вв.

Несмотря на описанные выше крайне неблагоприятные условия и

прекращение экономической помощи от русских властей, визиты русских на Святую Гору не прекратились окончательно. Известно, что в XIV в. в русской обители жили и сербские монахи. Но Святая Гора становилась всё более известной на Руси благодаря русским странникам, периодически её посещавшим. Особый интерес вызывают письменные свидетельства об Афоне, оставленные Досифеем, архимандритом Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде, который побывал на Святой Горе в конце XIV – начале XV в. и оставался там в течение довольно продолжительного периода. Из своего пребывания на Афоне Досифей вынес два труда, представляющих большую ценность как с позиций духовной истории святого места, так и благодаря урокам, которые почерпнула из них Россия. Первое сочинение называется «Устав», второе – «Чин». В них описываются разные аспекты духовной жизни святогорских отцов, особенно келлиотов и исихастов. В одной из книг, являющейся по сути ответом на вопросы, заданные автору игуменом одного русского монастыря, говорится следующее: «Послушники [на Афоне] живут по воле и благословию старца. А те, которые отдельно живут в келлиях, держат во всю жизнь такое правило: всякий день прочитают половину Псалтири и по 600 молитв: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. Если кто хочет прибавить, то в его воле. Сверх того полагают от трехсот до пятисот поклонов. Но и всякий час, сидя, ходя, лежа и делая рукоделие, беспрестанно говорят с воздыханием сердечным: “Господи Иисусе Христе”. Неумеющие грамоте совершают семь тысяч молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила. А немощным легчайшее правило. Престарелым более предписывается совершение молитвы Иисусовой и внимание умное, а поклонов по силе. Для Бога Святогорцы весьма любят держать молчание и бегают молвы, мятежа и бесед мирских. Святые отцы на Руси имеют обычай в Великий пост и другие посты прочитают всю Псалтирь, а кроме поста не читают ни псалма. Но Святогорцы живут не так: они одно правило держат во всю жизнь. Всякому брату надобно в келлии иметь иконостас или крест и перед ним совершать установленное правило. Неумеющий читать должен служить рукоделием, повиновением в службе, с отсечением своей воли».

В этом послании Досифей представил русским монахам образец монашеской жизни, сформировавшийся в ту эпоху в духовном центре православного иночества. В этих сообщениях Афон продолжает быть для русского народа наставником в духовной жизни и аскетизме. Хотя Досифей описывает разные области духовной жизни афонских отцов, он не упоминает никакого присутствовавшего там русского монашества и даже не говорит о существовании русского монастыря. Конечно, из этого молчания не следует,

что монастыря не существовало, просто упоминание о нём не входило в планы автора. Помимо этих неоспоримых данных, мы должны принять во внимание и то, что во время исихастских споров XIV в. русские монахи на Афоне, каким бы ни было их число, занимали сторону отцов-исихастов, во главе которых стояли святые Григорий Синаит, Григорий Палама, Филофей Коккин и другие, выходившие также из числа афонских монахов.

На протяжении XV в. многие русские посещали Святую Гору или жили там в течение определённого времени. Конечно, они приносили в Россию информацию, связанную с обителями и монашеской жизнью Афона, обогащая знания своих соотечественников о святом полуострове. Благодаря этим людям афонская монашеская традиция в России крепла и развивалась. В этой связи особого внимания заслуживает фигура святого инок Нила Сорского (1433-1508), вошедшего в историю русского монашества как один из самых выдающихся его деятелей и основатель традиции, имевшей глубокие последствия в духовной жизни страны. К сожалению, о жизни Нила известно очень мало, поскольку соответствующие биографические источники были утрачены. Мы знаем только, что он был родом из Москвы и носил фамилию Майков. Его семья имела благородное происхождение, и сам он с детства занимался копированием книг; очевидно, знал он и греческий язык.

Сначала Нил подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре на севере России, а потом, в сопровождении своего ученика Иннокентия Охлябина, поехал на Афон. Как долго он находился там, мы не знаем, но это должен был быть довольно длительный период, как можно судить по созданным им монашеским практикам и сочинениям, которые он написал, основываясь на святогорской традиции. Подсчитано, что его пребывание на Афоне длилось примерно десятилетие. По всей видимости, на Святой Горе Нил не жил в монастыре, но избрал пустынножизнь в скиту или келлии, по крайней мере, такое впечатление оставляют созданные им труды. Помимо трёх посланий и «Завещания», Нил Сорский оставил три важных работы: «Предание ученикам», «Устав о скитской жизни» и «Соборник житий греческих святых». В первом из этих сочинений содержатся советы по крайне строгой монашеской жизни, основанной на предании великих отцов церкви. В нём проповедуются полный отказ от имущества, послушание и усмирение собственной воли. «Устав о скитской жизни» является работой с ярко выраженными исихастскими мотивами, где содержатся указания о блюдении ума и практике умной молитвы, как её видели отцы церкви и исполняли святогорские монахи. Иными словами, в этом сочинении Нил рассматривал добродетели отшельнической жизни, сожителство минимального

количества монахов в одной пустыни, вопросы аскезы, духовные проблемы, связанные с этой жизнью, искушения и сопротивление им, отречение от материальных благ. Третье произведение является собранием житий святых, великих аскетов, в том числе святых Петра и Афанасия Афонских, последний из которых основал Великую Лавру. Нил Сорский основал в России монашескую школу по афонскому исихастскому образцу, выступавшую против наличия во владениях монастырей земельной собственности и деревень, а вместе с тем и против вынесения еретикам смертных приговоров. Впоследствии с духовными наследниками Нила, придерживавшимися тех же воззрений, вступил в контакт знаменитый афонский монах Ватопедского монастыря Максим Грек (1470-1556), проживший в России целых тридцать восемь лет. В их лице он обрёл поддержку против предъявлявшихся ему обвинений. К этому же кругу почитателей Афона принадлежал русский иеродиакон Дамаскин, посетивший Святую Гору в конце XVII – начале XVIII вв. и написавший работу, в которой сравнивал строгий Соловецкий монастырь с иноческой традицией Святой Горы. В своём сочинении Дамаскин писал: «В Афонской бо горе совершенное есть монашество... Афонская бо гора столица есть иноческая, начало и основание, и корень и источник монашества и по внешнему и по внутреннему».::

Заслуживает внимания тот факт, что и Нил не упоминал русских насельников Святой Горы. Очевидно, в тот период, когда он совершил свою поездку, в русской обители жили сербские монахи, о чём свидетельствуют пожертвования сербских князей, совершавшиеся на всём протяжении XIV и в начале XV в. Известно, что время от времени представители монастыря посещали Россию и получали экономическую помощь от великих московских князей и, впоследствии, от русских царей, поскольку представлялись монахами «русского монастыря», каковым продолжал считаться Свято-Пантелеимонов монастырь. В XVII в. монастырь снова пережил период настолько сильной нужды, что его землевладения были распроданы. В греческом документе 1693 года читаем: «Монастырь русских пребывает в запустении». Украинский путешественник и, впоследствии, монах Василий Григорович-Барский (1701-1747) посетил Святую Гору два раза, в 1725-1726 и в 1744 г., оставив два крайне ценных для истории описания монастырей, монашеской жизни и хранившихся в обителях святынь. В 1726 г. в Свято-Пантелеимоновом монастыре Барский нашёл только двух болгар и двух русских монахов, тогда как в 1744 г. он написал, что в обители живут около двенадцати греческих монахов и ни одного русского. Итак, мы видим, как русский монастырь, лишённый русских монахов, переживает запустение и упадок и окончательно прекращает своё существование в конце XVIII в.,

после начавшегося при невыясненных обстоятельствах пожара. В 1803 г. обитель возродилась на святогорском побережье, на месте пристани прежнего монастыря, и существует там по сей день. Новый монастырь был построен на пожертвования молдавского князя Скарлата Каллимаха, грека по происхождению, и сохранил прежнее название в честь святого Пантелеимона. С этого времени началась новая страница в истории русского монашества на Афоне. До настоящего момента речь шла преимущественно о паломниках и странниках, тогда как теперь мы будем говорить о выдающихся деятелях из числа афонского монашества и постараемся обрисовать их личные черты.

4. Личности XVIII-XIX веков

Одной из примечательных личностей, вышедших из русского культурного пространства XVIII в. и проделавших значительную работу по возрождению в славянском и румынском обществе афонских исихастских традиций, был Паисий (Пётр) Величковский (1722-1794), происходивший из украинского города Полтава. В юности он начинал учиться в Киево-Могилянской академии, но окончательно разочаровался в западной, схоластической системе преподавания и по этой причине оставил учёбу. После странствия по украинским и молдавским монастырям, в 1746 г. он прибыл на Афон и начал свой монашеский путь близ Капсалы, где находились келлии отшельников. Пётр избегал жизни в монастыре, поскольку экономические трудности принуждали монахов к поездкам и мирским связям, отвлекавшим их от умной молитвы и подобающей исихастам жизни. В 1750 г. на Афон приехал иеромонах Василий, тоже украинец по происхождению, бывший игуменом в монастыре Пояна Мерулуй в Молдавии. Он встретился с Петром и некоторое время они подвизались вместе. Отец Василий постриг его в малую монашескую схиму, и Пётр вместо прежнего мирского имени принял имя Паисий. О. Василий имел глубокие познания в переведённой на славянский язык византийской аскетической и мистической литературе и сам являлся автором произведений на славянском, в том числе введений к трудам свв. Григория Синаита, Филофея Синаита и Исихия Пресвитера. Общение Паисия с Василием имело решающее значение для дальнейшего духовного развития и деятельности молодого монаха.

Слава и добродетели о. Паисия привели к нему некоторое число монахов,

которые хотели учиться у него. Вместе они перебрались в разрушенную келлию пророка Илии, впоследствии преобразившуюся в крупный русский скит. Число монахов, собравшихся вокруг о. Паисия, достигло пятидесяти человек, и скит пророка Илии больше не мог их вместить. Так о. Паисий был вынужден покинуть это место и на некоторое время переселиться в монастырь Симонопетры, но не смог выплатить денежной задолженности туркам и в 1764 г. вместе со своими монахами отправился в Валахию и окончательно устроился в Молдавии, где развернул активную издательскую и духовную деятельность.

За время пребывания на Афоне о. Паисий выучил греческий язык и со рвением преданся исправлению старых славянских переводов и выполнению новых переводов работ великих аскетов и отцов церкви. Его благочестие, скромность и любовь к братии сделали его избранным лицом в среде афонского монашества. Живя на Святой Горе, он поддерживал связь с некогда подвизавшимся там патриархом Константинопольским Серафимом II, основателем Ватопедского скита святого Андрея, в дальнейшем переданного русским монахам. Патриарх Серафим очень уважал о. Паисия и старался удержать его на Афоне, но из причин, принуждавших о. Паисия к отъезду, важнейшей было его собственное желание перенести афонские опыт и традицию на другую географическую территорию. Действительно, о. Паисий создал сначала на Святой Горе, а затем и в Дунайских княжествах крупную аскетико-филологическую школу, занимавшуюся переводами византийских исихастских произведений, а вместе с тем стремившуюся воплотить на практике проповедуемые в них идеалы. В число оставленных о. Паисием документов входит и одно его письмо, где подробнейшим образом рассказывается о том, как он обнаружил на Афоне произведения византийских аскетов и отцов-мистиков и как переводил их на славянский язык. Важнейшим делом о. Паисия было составление славянского «Добротолюбия», или «Филокалии», т.е. собрания трудов отцов церкви, трезвенников и исихастов, которое было результатом общения о. Паисия, посредством его ученика Григория, с митрополитом Коринфским св. Макарием. Этот великий иерарх собирал такие произведения и являлся составителем греческой «Филокалии». Так о. Паисию, его восемнадцатилетнему опыту пребывания на Афоне и проделанному там труду обязано своим существованием величественное возрождение византийского мистицизма и исихазма в румынских и славянских странах XVIII-XIX вв.

В этой связи мы должны упомянуть и пребывание на Афоне украинца Василия

Григоровича-Барского, о котором уже было сказано выше. Во время своего посещения Святой Горы он ещё не был монахом, но именно им были оставлены два знаменитых доскональных описания святогорских монастырей, единственных в своём роде. Они содержат общую информацию о постройках, храмах, памятниках искусства, библиотеках и целом ряде подробностей, представляя собой редчайший источник для исследователей Афона. Но особой ценностью отличаются изображения монастырей, выполненные Барским с поразительным мастерством и точностью и предоставляющие важнейшие данные для изучения монастырской архитектуры. Конечно же, и информация о жизни монахов, в особенности тех из них, что отличились в добродетели, является существенным источником по истории Афона в XVIII в.

В течение XVIII в. наблюдается расцвет русского иночества на Афоне, сопровождающийся притоком большого количества русских монахов. Пантелеимонов монастырь процветает, также как и скиты пророка Илии и Святого Андрея, где живут монахи, возводятся храмы и величественные здания, привнесшие на Святую Гору сугубо русские архитектурные черты. Развитие этих русских монашеских общин, вместе с тем, связывается с появлением некоторых, носивших националистический или территориальный характер, конфликтов и сопернических настроений между русскими и украинскими монахами, а равно между русскими и греками. Эти конфликты образуют главу афонской истории, которая, к сожалению, полностью лишена духовного содержания и далеко отстоит от атмосферы любви, необходимой для совместного проживания людей, в особенности же монахов. По этой причине мы не будем углубляться в эти печальные события, но сосредоточим наше внимание на людях, сыгравших существенную роль в отображении русского духовного характера на Афоне или самостоятельно создававших духовные импульсы и передававших их своим современникам.

В июне 1835 на Святую Гору прибыл в качестве паломника русский иеромонах Аникита (в миру Сергей Александрович) Ширинский-Шихматов, происходивший из княжеской семьи и имевший великолепное образование. Он занимался русской литературой и в совершенстве знал французский, немецкий, английский, греческий и латинский языки. К тому времени он успел дослужиться до офицерского звания в военном флоте и стать членом Российской Академии Наук. Прибытие на Афон столь знатного и образованного человека открывало новые перспективы развития русского монашества. Первым делом отец Аникита посетил скит пророка Илии, где обитали украинские монахи, и затем, в сопровождении пятнадцати русских

иноков, отправился в Свято-Пантелеимонов монастырь, неся с собой икону святого Митрофана Воронежского, к которому питал особое уважение и благоговение. О. Аникита пожертвовал руководству монастыря очень щедрую сумму на завершение строительства храма в честь святого Митрофана и отбыл в Иерусалим. По возвращении на Афон в мае 1836 г., увидев, что храм так и не был закончен, он взял с собой сопровождавших его русских монахов и отправился снова в скит пророка Илии. В дальнейшем он был приглашён служить в качестве священника в русском храме в Афинах. О. Аникита обладал монашеской добродетелью, любил святогорскую традицию и занимался изучением святоотеческих трудов. Страдая от хронической болезни, вызывавшей кровотечения, в 54 года он скончался. Когда дни его уже были сочтены, его спросили, не хотел ли бы он составить завещание. О. Аникита ответил: «Я монах, оставьте всё, что у меня осталось, в скит пророка Илии». На следующее утро со словами «Пора, пора в Иерусалим» он умер. Так ушёл из жизни крайне добродетельный человек, который, хотя и не жил длительное время на Афоне, полюбил его и обрёл глубочайшую духовную связь с ним.

К абсолютно аналогичной духовной среде принадлежит и иеросхимонах Серафим, в миру Семён Веснин, прибывший на Афон 19 октября 1843 года и живший в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Этот иеромонах, ведший крайне аскетичную жизнь и обладавший глубочайшей скромностью и любовью к ближним, имел одно свойство, которое оказалось важным для изучения истории не только русского монастыря в период его пребывания на Афоне, но и всех монашеских общин этого места. Оно заключалось в любви к написанию писем в Россию, где давались подробные описания сцен из жизни святогорских монахов. Эти письма публиковались и являли собой интереснейшее чтение, в ходе которого русский читатель мысленно переносился на Святую Гору и испытывал целую гамму чувств, навеваемых этим местом. Под заглавием «Письма Святогорца к друзьям своим о святой горе Афонской» они были изданы в двух томах в 1850 г., затем переизданы Свято-Пантелеимоновым монастырём в трёх томах общим объёмом в 538 страниц, а с 1866 по 1913 г. переиздавались девятикратно. Они охватывают период пребывания о. Серафима на Афоне, начиная с прибытия в 1843 г. и заканчивая смертью в Свято-Пантелеимоновом монастыре 17 декабря 1853 года. Письма о. Серафима, написанные блестящим русским языком, содержат описания обителей, скитов, святынь, личностей монахов, исторических и современных автору событий, чудес святых икон, и во всём этом явственно чувствуются горячая любовь к Святой Горе и глубочайшее почитание Богородицы, покровительницы этого священного места. Благоговейное

настроение о. Серафима и его чувства нашли выражение в записках, найденных в его келлии, и так и именуемых «Келейными записками». Они особо трогательны за счёт тонкости и благородства передаваемых в них чувств. Их написанию предшествовало трагическое событие. Когда началась Крымская война, о. Серафим, несмотря на противоположное мнение игумена монастыря, хотел ехать в Россию, но разнообразные неблагоприятные происшествия помешали его поездке. Так он вернулся в обитель. Его записки кончаются датой 16 мая 1853 года, и стоит процитировать завершающие их слова: «Господи! Помяни меня во царствии Твоем! Помяни и всех моих друзей и врагов: вси бо есмы человецы: слабость и немощи—это принадлежность нашего сердца и ума. Потому-то, Господи, всех нас прости, помилуй и спаси, яко един безгрешный и непостижимо благий и милостивый. Аминь». В этом молитвенном настроении, полном любви, иеромонах Серафим скончался.

В течение XIX века постоянно возникали фигуры прославившихся добродетелями, аскезой и духовной жизнью русских монахов. Особо стоит отметить два лица, происходивших из Пантелеимонова монастыря, с которыми связан как духовный подъём русского иночества на Афоне, так и успех мирного сосуществования греческой и русской братии. Этими людьми были духовник Пантелеимонова монастыря о. Иероним (1806-1885) и игумен Макарий (1821-1889), благодаря деятельности и внутренним качествам которых русское монашество на Афоне пережило период расцвета во второй половине XIX столетия.

Отец Иероним, в миру Иван Павлович Соломенцов, происходил из большой благочестивой семьи купцов, многие члены которой приняли монашество. Сначала он подвизался в российских монастырях, но в сентябре 1836 г. приехал на Святую Гору. Здесь он встретил русского иеромонаха и духовника Арсения (†1846), который оказал на него сильное влияние. Первым действием о. Иеронима стала покупка одной келлии близ Ставроникитского монастыря, где он жил, получив имя Иоанник. Здесь же он был рукоположен в священники. В келлии он прожил четыре года и в сентябре 1840 года, в сопровождении двух своих сподвижников, приехал в Пантелеимонов монастырь. На следующий год он принял великую схиму и был наречён Иеронимом. Так началась новая жизнь, сложная потому, что, несмотря на сильную любовь к монастырю, о. Иероним предпочитал отшельничество. Это не привело его в смятение, напротив, он понял, что для него началась особая миссия, и заключалась она в попытке помочь русской братии монастыря, которой он и прослужил всю свою жизнь с ревностью и великой любовью. О. Иероним стал духовником отцов Пантелеимонова монастыря, и не только их,

но и многих других русских монахов, которые обращались к нему за исповедью или за духовным советом. Очень быстро он был признан практически новым Отцом Церкви. Его отличали глубокое знание святоотеческих книг, глубокое смирение и любовь к братии. Он был далёк от мира, любил молчание и безраздельно отдавался молитве.

Духовный характер о. Иеронима нашёл отражение в оставленных им текстах, представляющих большую ценность. Кроме очень большого количества полных советов писем к разным лицам, перу о. Иеронима принадлежат письменные советы к монастырской братии, правила для монахов, послушников-мирян и монахов на послушании у старцев, поучительные речи, но особое место занимает «Устав Пантелеимонова монастыря», состоящий из двадцати двух глав и освещающий все аспекты монастырской жизни. Этим уставом были заложены основы действия обители и поведения населяющих её монахов. Питая большое уважение к святому Иоанну Предтече, о. Иероним написал в его честь великолепный акафист.

Об отце Иерониме очень многое было написано его современниками, и эти документы являются памятником истории русского афонского монашества XIX в. Особо интересно описание, составленное русским дипломатом, писателем, великим мыслителем и почитателем византийской культуры Константином Николаевичем Леонтьевым (1831-1891). Он писал об о. Иерониме: «Это был не только инок высокой жизни, это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым — это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо *великим*; человеком с великой душой и *необычайным* умом». Итак, таким был о. Иероним, который своими советами, своими духовными качествами и поучительными письмами привлек многих русских монахов к святогорской монашеской жизни и преумножил славу Афона в России. Помимо своего духовного вклада, о. Иероним сыграл важную роль в урегулировании разногласий, существовавших в отношениях русских и греческих монахов Пантелеимонова монастыря, разногласий, усиливавшихся за счёт преувеличений и обид с обеих сторон. О. Иероним и в этом случае выступил как миротворец.

Другой выдающейся личностью, как мы сказали выше, был о. Макарий, в миру Михаил Иванович Сушкин. Он также происходил из богатой купеческой семьи и был образованным и благочестивым юношей, решившим предпринять паломническую поездку по святым местам Востока. Он посетил Синай, Константинополь, Фессалонику и в конечном итоге 3 ноября 1851 г. прибыл на Святую Гору. Находясь в монастыре Кутлумуш, он заболел лихорадкой и

слёг в постель. О случившемся узнали русские монахи Пантелеимонова монастыря, и о. Иероним предложил перенести его в русскую обитель. Это было сделано, но состояние больного оставалось критическим. Видя, как его самочувствие постоянно ухудшается, и слушая врачей, говорящих, что он не сможет выжить, некоторые иноки пришли к мысли о том, что необходимо постричь больного в монахи, тем более, что именно за этим он прибыл на Афон. О. Иероним сначала относился к этому мнению с осторожностью, но в конечном итоге уступил и 27 ноября постриг прикованного к постели и ожидающего смерти Михаила в монахи и нарёк его Макарием. Состояние больного ухудшилось и пришлось прочитать над ним отходную молитву, как над умирающим. 23 декабря больной выглядел обречённым, и над ним прочитали Последование по исходе души от тела. Несмотря на это, он не только не умер, но 6 января принял святой воды от посетивших его иеромонахов обители и вскоре пришёл в себя. Во время Великого Поста он уже служил в храме канонархом, переходя от аналоя к аналою. Затем он стал принимать участие во всех монастырских послушаниях, в то время бывших общими для всех монахов.

20 февраля 1854 г. Макарий был рукоположен в дьяконы и стал единственным дьяконом обители. Несмотря на то, что монастырь уже насчитывал около двухсот монахов, среди них было только четыре иерея и один дьякон. Между тем началась русско-турецкая Крымская война, и это событие посеяло ужас и панику среди русских монахов Святой Горы, находившихся на подвластной туркам территории. Монахи Пантелеимонова монастыря просили о. Макария организовать им отъезд в Россию. Состоялось собрание русских и греческих монахов, на котором игумен монастыря, о. Герасим, грек по происхождению, сказал, что монах никогда не должен покидать свою обитель по причине каких-либо трудностей, и до настоящего момента не возникло никакой предпосылки, убеждающей его в необходимости эвакуации русских монахов. В конечном итоге только десять русских иноков решили уехать.

С течением времени русское монашество на Афоне становилось всё более многочисленным. Этому способствовала значительная финансовая помощь, которую монахи получали из России и благодаря которой их выживание становилось более лёгким. Естественно, число монахов в Свято-Пантелеимоновом монастыре постоянно увеличивалось, и неизбежным образом это усложняло бытовавшие там греко-русские разногласия. Устраивались бесконечные переговоры, писались апелляции, монахи обращались к Священному Собору, выносились решения, но ничто из этого не

привело к мирному разрешению конфликта. В 1870 г. греческий игумен о. Герасим, уже глубокий старец, предчувствуя кончину, на общем собрании старцев монашеской братии, назвал своим преемником о. Макария. О. Герасим умер в возрасте 103 лет 10 мая 1870 г. В эти дни о. Макарий находился в Константинополе и поспешно вернулся на Афон, где дал обет никогда не покидать обители и принял великую схиму. 20 июля 1878 г. он был торжественно избран игуменом Пантелеимонова монастыря, что было утверждено сигиллией (грамотой) Константинопольского патриарха Иоакима II. О. Макарий оставался игуменом монастыря до 19 июня 1889 г. в этот день он отслужил литургию, причастился, прочёл благодарственную молитву и перешёл к установленному им чтению Акафистного гимна к Богородице. Читая его со слезами на глазах, он внезапно упал, и, спустя шесть часов, несмотря на старание врачей и молитвы отцов, ушёл из этой быстротечной жизни. Незадолго до смерти он составил завещание. В этом тексте отражены его глубокое смирение и любовь к братии. Он просит монахов пребывать в согласии и любви, завещанных Христом, так, чтобы «я» каждого в отдельности человека не мешала единству братии. В заключение он пишет: «Еще мое усердное завещание вам, отцы и братия: врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих и всякого требующаго. Сам Господь засвидетельствовал воочию всех нас, воздавая обильно Своими щедротами обители за незатворение ее врат и милостыни для всех нуждающихся. Сие наблюдайте неизменно, как было, и не ограничивайте вашей милостыни и после меня».

Со смертью игумена Макария закончилась целая эпоха расцвета русского монашества на Святой Горе.

О. Макарий был человеком общительным и крайне работающим, поистине неутомимым. При нём русское монашество на Афоне достигло исключительного подъёма, но, вместе с тем, благодаря его связям с родиной монашеская афонская республика получила широчайшую известность в России. Тот факт, что на монашеский полуостров не допускались женщины и единственной женщиной, которую там принимали, была Богородица, делал Афон в сознании русского народа местом удалённым от мира и обладающим исключительной святостью. Сознвая это, о. Иероним оставил монастырь, в котором подвизался у себя на родине, чтобы поехать в этот духовный земной рай. Его примеру последовали тысячи русских людей, и таким образом число насельников Свято-Пантелеимонова монастыря превысило тысячу, тогда как в общей сложности на Святой Горе количество монахов достигло трёх тысяч. В русском монастыре были построены новые здания, он был расширен, и

архитектура Святой Горы пополнилась памятниками русского стиля. Была оформлена монастырская гавань, и монастырь приобрёл собственные парусные корабли. В этой гавани причаливали и русские суда, привозившие сотни паломников. В пределах Святой Горы действовали и полностью оснащённые скиты и обители, принадлежавшие Свято-Пантелеимонову монастырю: Старый Руссик, т.е. старый монастырь на горе, который был отреставрирован и где был построен великолепный храм; скит Хромица, скит Новая Фиваида, скит Богородицы. Эти скиты находились во владении Свято-Пантелеимонова монастыря и зависели от него. Подворья монастыря были созданы и за пределами Афона, в основном в России, но и в столице Османской империи, Константинополе. Особо нужно подчеркнуть активную издательскую деятельность Свято-Пантелеимонова монастыря, развившуюся при игумене Макарии. Количество книг и листов, изданные Свято-Пантелеимоновым монастырём, достигало сотен, причём среди них были «Добротолюбие», двухтомный «Афонский Патерик» с житиями афонских отцов с древнейших времён, жития и труды Отцов Церкви, и так называемые «Афонские листки» с назидательным содержанием, вышедшие более чем в пятистах томах. Благодаря всем этим изданиям Свято-Пантелеимонов монастырь произвёл сильное духовное влияние на весь огромный русский мир. В монастыре была собрана и примечательнейшая библиотека из многих тысяч томов, расположенная в отдельном здании. Среди этих книг существует и значительное число рукописей, славянского и греческого происхождения, коллекция которых была собрана за счёт усердия библиотекаря о. Матфея. Хорошо знавший греческий язык, он был способен произвести правильную оценку будущих приобретений, и ему обязано своим существованием редкое собрание греческих рукописей и архивных материалов на греческом языке, касающихся истории Святой Горы XVIII – первой половины XX вв.

Кроме монастыря Святого Пантелеимона, существовали и независимые русские скиты, которые были заселены русскими монахами в XIX в. и состояли из обширных комплексов зданий. Такими скитами были Свято-Андреевский, принадлежащий Ватопедскому монастырю, и скит пророка Илии, принадлежащий монастырю Пантократора. В этих скитах проживали русские монахи, которых также отличала глубокая духовность, равно как и пастырская, и административная активность. В скиту пророка Илии наиболее выдающимися личностями были игумены Паисий II (1796-1871) и Гавриил (1849-1901), а в скиту св. Андрея – игумены Варсанофий (†1850) и Виссарион (†1862), заложившие духовные основы этих монашеских общин, переживших великий расцвет в XIX в.

Помимо русских скитов, в том же столетии было создано значительное число келлий, населённых русскими монахами и принадлежавших разным святогорским монастырям. В начале XX в. количество русских келлий достигло шестидесяти шести. Некоторые келлии были величественными зданиями, число монахов в которых иногда превосходило сотню. Ряд келлий имел подворья за пределами Святой Горы и даже в Константинополе. 14 мая 1896 г. по инициативе русского иеромонаха Кирилла в память о коронации императора Николая II было основано Братство русских келлий на Афоне. Сразу же был составлен его устав, состоящий из тридцати четырёх статей. В первой статье, где описывались цели создания Братства, говорилось следующее: «Оказывать помощь всем вообще русским бедным обителям, пустынноикам и отшельникам святой горы Афонской в случаях крайней нужды и бедности их, а также, при упадке их духовно-нравственных сил, братски поддерживать». Совет Братства проводил регулярные заседания, вёл переписку с русскими дипломатическими представительствами в Фессалонике и Константинополе, вёл протоколы и архив.

Влиятельность, которую приобрело святогорское монашество в Российской империи, происходила в первую очередь из активности русских монахов, познакомивших с Афоном широкие массы. Как святогорские иноки, посещавшие Россию, так и русские паломники, посетившие Афон, становились горячими популяризаторами святогорского монашества в своей большой стране и обращали взгляды благочестивого русского народа к единственному государству в мире, где имя Спасителя упоминалось и славилось неустанно. Возвращаясь на родину, паломники не забывали с энтузиазмом рассказать своим соотечественникам о впечатлениях, произведённых на них святыми местами, тогда как более образованные

публиковали их в церковных газетах и журналах. Реакция русского народа была впечатляющей, поскольку вызвала не только увеличение притока паломников на Афон, но и рост числа желающих стать монахами. Среди паломников были и выдающиеся фигуры, такие как члены императорской семьи, аристократы, дипломаты и учёные. Последние были не только паломниками, но и исследователями монастырских библиотек, в результате чего публиковались важные научные труды. В 1855 г. русский иеромонах Парфений Агеев издал в четырёх томах путеводитель по России, Молдавии, Турции и Святым местам. Во втором и четвёртом томах он описал своё пребывание на Афоне, снабдив его очаровательными деталями из жизни русских монахов. К писателям этого склада относились и священники Порфирий Успенский (1804-1885) и Антоний Капустин (1817-1894), тогда как о жизни и деятельности игумена Макария были написаны книги московского профессора И. Ф. Красовского (1889) и профессора Киевской Духовной Академии А. Дмитриевского (1895). Сочинение последнего значительно полнее и обладает особой ценностью, поскольку являлось плодом не только личных воспоминаний, но и серьёзного исследования.

5. Революция 1917 года и её последствия для русского монашества на Афоне и XX век.

Удивительный расцвет, которого достигло русское монашество на Афоне в XIX в., подвергся тяжёлому удару Революции 1917 г. Внезапно оборвались все связи России со Святой Горой. Существенная экономическая поддержка, которую получали русские монахи из своего отечества, прекратилась; визиты русских паломников отошли в прошлое; даже переписка монахов с оставшимися в России родственниками и близкими стала невозможной. Единственное утешение русские отцы находили в молитве, взывая о помощи к защитнице Святой Горы Деве Богородице. Отрезанные от родины, они спешили узнать новости у греков и иностранных посетителей; некоторые наивные старички даже спрашивали иностранцев, уродилась ли в России пшеница. Положение было поистине трагическим, поскольку престарелые отцы начали один за другим уходить из жизни, и у них не было молодых преемников, которые могли бы служить и выполнять монастырские

обязанности. Очень быстро русские обитатели начали приходить в запустение.

Последствия этих трагических событий испытал на себе и Свято-Пантелеимонов монастырь. Некоторым утешением служил приток русских эмигрантов, посещавших Святую Гору и решавших посвятить свою жизнь монашеству в Пантелеимоновом монастыре или одном из крупных скитов, святого Андрея или пророка Илии. Так вплоть до предвоенной эпохи в обители жили некоторые люди, выделявшиеся своими добродетелями, образованием и способностью общаться с другими посетителями монастыря, греками и иностранцами. Первой и значительнейшей фигурой был о. Силуан, о котором уже написано много книг и статей и которому были посвящены даже научные конференции. В миру его звали Семёном и он приехал на Афон из России в 1892 г., подвизался в Свято-Пантелеимоновом монастыре и при постриге был наречён Силуаном. Он происходил из крестьянской семьи и не получил систематического образования, в силу чего не ждал назначения на какую-либо монастырскую должность, требующую специальных знаний. Будучи скромным и смиренным человеком, о. Силуан готов был беспрекословно исполнить любое поручение, данное старшими монахами. Так он и поступил, когда ему приказали пойти работать на монастырскую мельницу. В столь большом монастыре, каким был тогда Свято-Пантелеимонов – он насчитывал приблизительно 1800 насельников – ручная работа была очень важна.

О. Силуан трудился в пекарне. Неподалёку располагалась часовня пророка Илии, куда монахи ходили на вечернюю службу. Однажды, когда о. Силуан стоял перед иконой Христа Спасителя, находившейся в храме, он узрел Христа, Чей свет омывал его нежным сиянием. Об этом важном событии его жизни и мистическом опыте он впоследствии поведал о. Софронию, но не похваляясь, а наставляя своего ученика.

Любовь к тишине и внутреннему покою часто направляла стопы о. Силуана в места, где умная молитва, которую он творил с большим рвением, могла бы стать ещё более усердной. Когда он хотел попросить у кого-либо совета или «открыть помыслы», он также удалялся от обители в поисках покоя. «Откровение помыслов» является святогорской практикой, дошедшей до наших дней, где монах исповедуется в своих мыслях какому-либо уважаемому и отличающемуся высокой духовностью лицу, чтобы тот мог судить, идёт ли этот монах по правильному пути или сбился с него, попав в дьявольскую ловушку. Похоже, встреча о. Силуана со старцем Анатолием в Старом Русике носила именно такой характер. Там о. Силуан встретил

великих аскетов, таких как о. Стратоник и о. Вениамин, и обсудил с ними вопросы своего духовного становления. Однако, сам он оказался более опытным в вопросах исихазма, чем его собеседники, и, вместо того, чтобы принимать у них наставления, несмотря на свою глубокую скромность, он сам становился их наставником.

О. Силуан был практически неграмотным человеком. В сельской школе, куда он ходил всего лишь в течение двух зим, он едва выучился читать. Несмотря на это, он обладал блестящим интеллектом и оставил сочинения, поражающие своей духовной глубиной. Здесь нет ничего, чему следовало бы удивляться. Афон испокон веков был грандиозной школой для своих иноков. О. Силуан очень любил чтение, но выбирал только книги, полезные для души. Из своего чтения он полностью исключил газеты и книги светского содержания, поскольку они уводили далеко от избранного им пути. Напротив, он испытывал большую любовь к творениям Святых Отцов и в целом к аскетическим и мистическим церковным сочинениям. О. Силуан принадлежал к той плеяде святогорцев, в которой прежде заняли исключительные места преп. Паисий Величковский и св. Никодим Святогорец. Учение о. Силуана о духовном покое и умной молитве, помыслах, нетварном свете и способах его увидеть является чтением, напоминающим об этих великих учителях православной духовности. Фигура о. Силуана стоит рядом с великими отцами-исихастами, сподобившимися благодати приобщения к нетварному (несотворённому) свету. Единственное, чего ему не хватало, это богословская терминология, с помощью которой он мог бы систематично изложить то, что хотел, будь то знания или опыт. В любом случае, его слова, простые и искренние, ясно свидетельствуют о глубине его мысли и внутреннем богатстве.

Слияние с Христом всегда было заветной целью о. Силуана, и достичь её он мог лишь посредством смерти. Его беспокоило только, что он ещё не достиг уровня смирения, необходимого для вечной жизни. Спустя сорок шесть лет суровой аскезы пришёл срок отправляться в путь. После скоротечной болезни, природа которой осталась неизвестной, о. Силуан испустил дух в монастырской больнице, в полном одиночестве. Смерть пришла без агонии, страха или чувства неуверенности. Стремление к смерти, как упование на воссоединение с Христом, переполняло душу святогорского исихаста о. Силуана ощущением покоя. Иеромонах Серафим, о котором мы говорили ранее, рассказал в своих письмах о двух виденных им случаях ухода из жизни русских монахов. Более всего его восхитили спокойствие и радость, с которыми они приветствовали событие, так пугающее светских людей. Он не

мог не задаться вопросом: «Почему в мире все так боятся смерти, тогда как здесь тихо и спокойно засыпают вечным сном?» Продолжая святогорскую традицию, именно так покинул этот мир старец Силуан. С момента, когда его нога впервые ступила на монастырскую землю, и до последнего прощания с ней он был настоящим святогорцем.

Об о. Силуане, оставившем мирскую жизнь в 1938 г. в Свято-Пантелеимоновом монастыре, мы не знали бы сейчас почти ничего, если бы об этом не позаботился его сподвижник о. Софроний, в миру Сергей Семёнович Сахаров (1896-1993), сохранивший его записи и многократно их издававший. В 1921 г. С. С. Сахаров оказался в Париже, где к тому времени собралось большое общество знатных русских эмигрантов. В его душе горело пламя веры, унаследованное им от матери. Сергей Семёнович обладал способностями живописца, и в Париже вступил в общение с художественными кружками; организовал он и несколько выставок своих работ. Однако в глубине души он страдал от метафизических исканий, от вопроса «Как я проживу без греха в этом мире?» и осенью 1925 г. приехал на Афон, где был пострижен в монахи и был наречён Софронием. Так он остался там навсегда. Его серьёзно занимало множество духовных вопросов, проблем и загадок. Весной 1930 г. он впервые встретился с о. Силуаном, с которым впоследствии обрёл тесную связь и который доверил ему свои записи, где о. Софроний обнаружил новый духовный мир. В Париже он успел познакомиться с русскими интеллигентами, обладавшими обширными познаниями в богословии и философии, но не мог найти наставника в более глубоких духовных жизни и опыте, таких, как молитвенная практика исихастов, и именно это он обрёл в лице о. Силуана. После смерти о. Силуана о. Софроний удалился в святогорскую пустыню, близ Нового скита, и жил там в хижине вплоть до 1946 г. Впоследствии он никогда не забывал дней пустынноческой жизни, сосредоточения, сил, приложенных к молитве. Имея за плечами этот глубокий опыт и потрясённый им, он оставил Святую Гору и поехал в Париж. Причиной его отъезда было решение издать записи о. Силуана и придать им известность не только в русском, но и в западном мире, что и было осуществлено. Хотя о. Софроний и оставил Святую Гору, он никогда не прекращал чувствовать себя святогорцем и испытывать любовь к этому святому месту, где он познакомился с о. Силуаном и узрел невечерний свет неустанной умной молитвы исихастов. В дальнейшем он написал собственную книгу; его богатое эпистолярное наследие также было опубликовано. Все его письменные труды источают особый афонский духовный «аромат», который в наши дни разливается по многим странам, вдохновляя и поддерживая множество людей.

Среди особо выдающихся русских монахов Свято-Пантелеимонового монастыря XX в. необходимо упомянуть ещё двоих, отличавшихся незаурядным богословским образованием. Одним из них был Всеволод Александрович Кривошеин, сын А. В. Кривошеина, при императоре Николае II

бывшего Главногоуправляющим землеустройством и земледелием, а во время Гражданской войны – председателем правительства Юга России. В 1920 г. он эмигрировал в Париж, где учился в Сорбонне на филологическом отделении. Он был образованным юношей, владевшим несколькими иностранными языками. В 1924 В. А. Кривошеин посетил Святую Гору и решил остаться в Свято-Пантелеимоновом монастыре, где и был пострижен в монахи с именем Василий. Его отличала любовь к святоотеческому исихастскому богословию, которое он исследовал. В 1936 г. им был опубликован важный научный труд о святом Григории Паламе, привлекая международное внимание к изучению наследия этого великого византийского богослова и Отца Церкви. На Святой Горе он прожил до 1947 г., после чего переехал в Англию. Несколько позже он был поставлен архиепископом Брюссельским и Бельгийским Московского Патриархата. О. Василий занимался изучением мистического богословия, и его работы о св. Григории Паламе и св. Симеоне Новом Богослове являются фундаментальными для соответствующих областей науки. Несмотря на то, что он покинул Афон, он никогда не переставал жить воспоминаниями о нём.

Другим важным лицом, некоторое время жившим в Свято-Пантелеимоновом монастыре, был Сергей Сергеевич Безобразов (1892-1965). Он был родом из Петербурга, где учился филологии в университете, и блестяще знал древнегреческий и европейские языки. В 1922 г. он покинул Россию и остановился в Париже, где получил должность доцента на кафедре Священного Писания Нового Завета в новообразованном Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В 1932 г. он принял монашеский постриг, получив имя Кассиан, и в 1934 г. был рукоположен в священники. В августе 1939 г. он посетил Святую Гору, но началась Вторая Мировая война, дороги закрылись, и о. Кассиан оказался запертым на Афоне. Он остановился в Свято-Пантелеимоновом монастыре, где жил как простой монах до 1947 г. О. Кассиан был склонен к аскетизму, посту и молитве. За всю свою жизнь он ни разу не ел мяса, и в дальнейшем хранил традиции, узнанные на Святой Горе. По возвращении в Париж он продолжил преподавать на кафедре Нового Завета, был рукоположен в епископы и избран ректором Свято-Сергиевского богословского института. Владыка Кассиан получил международное признание как один из величайших специалистов по Новому Завету своей эпохи. Как и у о. Василия Кривошеина, так и у о. Кассиана Афон оставил глубоко в душе неизгладимый след эмпирического понимания богословия, и это явственно видно в их трудах.

После 1917 г. Свято-Пантелеимонов монастырь пережил долгий период тяжёлых испытаний. Отцы уходили из жизни один за другим, приходившие

же им на смену русские эмигранты были крайне малочисленны. В пятидесятых годах игуменом был о. Иустин, кроткий, смиренный, молчаливый и малообразованный человек. В его лице с трудом можно было узнать игумена. Ему наследовал о. Илиан (1883-1971). Это был очень спокойный и добрый человек. Он происходил из благочестивой петербургской семьи, причём его мать тоже стала монахиней. Его отличали глубокое благочестие и праведность. Он испытывал сильную душевную боль из-за запустения монастыря, который некогда насчитывал две тысячи монахов, тогда как к моменту избрания о. Илиана игуменом в нём оставались лишь сто сорок человек, и те старцы. Он был строен и аскетичен, и можно было почувствовать веяние доброты и покоя, живших в его сердце. Он глубоко любил монастырь и заботился о его будущем, возлагая надежды на милость Богородицы и святого Пантелеимона, покровителя обители.

В период игуменства о. Илиана в монастыре жили некоторые монахи, чьи трудолюбие и вклад в жизнь обители заслуживают особого упоминания. Одним из них был о. Ипатий, в миру граф Дмитрий Фредерикс, человек с прекрасным образованием и знанием иностранных языков. Его дядей со стороны отца был В. Б. Фредерикс, Министр Императорского Двора при Николае II. О. Ипатий был несчастным человеком. Он ходил с трудом, опираясь на трость. Вместо обуви он носил на ногах два деревянных цилиндра, потому что ступни ног потерял от обморожения. О. Ипатий выполнял обязанности секретаря, но чаще всего, в силу знания европейских языков, становился проводником и переводчиком для паломников. Монастырским библиотекарем был о. Виссарион, страдавший от отсутствия образованных монахов, которые могли бы пользоваться великолепной, богатейшей библиотекой, за которой он смотрел. Поэтому он очень радовался всякий раз, когда посетители проявляли интерес к полкам с бесконечными рядами книг. Смотрителем гостиницы был о. Антоний, человек тоже пожилой, но всегда готовый обслужить посетителей. Другой пожилой монах, о. Варсанофий, очень вежливый и радушный, заботился о храме Покрова Пресвятой Богородицы. Его душа была преисполнена любви и духовной радости. В 1955 г. в монастырь приехал в качестве паломника Константин Александрович Лебедев, который в тот период, уже будучи немолодым, изучал богословие в русском Институте православного Богословия в Париже. Он был настолько восхищён Свято-Пантелеимоновым монастырём, что решил постричься в монахи и остаться там навсегда. Он принял монашеский постриг и был наречён Кириллом. Отцы полюбили его, а после своего избрания игуменом о. Илиан позаботился о его хиротонии в дьяконы и поручил ему обязанности монастырского библиотекаря. О. Кирилл был

глубоко благочестивым человеком, безраздельно преданным молитве и монастырским обязанностям.

Выдающимся монахом, известным не только в Свято-Пантелеимоновом монастыре, но и на всей территории Святой Горы, был о. Давид. Он, чья мирская фамилия была Цубера, родился в 1904 г. в г. Ужгороде в Западной Украине. Он вовремя покинул родину, оказался в Греции и юношей пришёл на Афон, в Свято-Пантелеимонов монастырь. О. Давид имел тягу к образованию и поступил в Афониаду, академию в Карее, столице Святой Горы. Он окончил её, в совершенстве выучив там греческий язык; очень хорошо он говорил и по-венгерски. Благодаря своим знаниям он стал монастырским секретарём и одновременно с этим занимался внешними связями обители. Все на Святой Горе любили и уважали его за мягкий и покладистый характер. Его отличали осмотрительность и разумность, что хорошо послужило отношениям Пантелеимонова монастыря с греческими административными и государственными властями. Ещё одним карпатцем был о. Серафим, радушный и улыбчивый человек, всегда готовый на гостеприимство и милостыню. Он занимался продажей книг, издававшихся в монастыре, которые посылал за границу, русским эмигрантам, обеспечивая доход своей обители.

Уменьшение числа русских монахов было куда более ощутимым в русских скитах, пришедших в упадок. В скиту пророка Илии был игуменом о. Николай, доброжелательный и духовный старец, внушавший большое почтение. Он жил в атмосфере благоговения, стойко перенося лишения, терзавшие скит. Чтобы обеспечить хоть какой-то достаток, он был вынужден продавать ценные предметы и книги, принадлежавшие скиту. Общение с ним трогало до глубины души. О. Николай был честным и храбрым борцом, полным веры и надежды. Нищета, мучившая русских монахов, усиливалась изо дня в день. В пустыни, называемой Катунакия, жил иеромонах о. Митрофан со своим послушником. Он тоже был праведным человеком, окружённым ореолом духовного сияния. Нужда заставила его уйти вместе с послушником в Пантелеимонов монастырь, где их братски приняли, предложив службу в храме. О. Митрофан до конца своей жизни сохранял качества отшельника, углублённый в молитву и отстранённый. Ещё одним русским монахом был о. Александр. Он был невысоким старцем, одетым в лохмотья и носившим на шее маленький мешок, куда складывались сухие ломти хлеба от подаяния, которого он просил в скитах и монастырях. О. Александр был бездомным, у него не было кельи, и он блуждал здесь и там, живя подаянием. Его образ был образом святого. В руках он постоянно держал длинные чётки и

непрестанно твердил Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». С этой молитвой на устах и в сердце о. Александр оставил бренный мир. Другим великим русским аскетом был о. Никон. Он родился в 1874 г., происходил из благородной семьи и в качестве высшего офицера служил в царской армии. Его образование было очень хорошим, включая знание иностранных языков. После 1917 г. он эмигрировал из России, сначала в Англию, а в 1935 г. приехал на Святую Гору. Он прожил мирскую жизнь, отрёкся от неё и отправился в Сад Богородицы, чтобы предаться аскетическим упражнениям в Карулии, одном из самых диких и пустынных мест Афона. Жил он в хижине, служившей одновременно с тем и маленькой часовней. Спал на голой земле, подложив под голову камень, и хранил на полке черепа семнадцати отцов, прежде подвизавшихся в этом месте. О. Никон был очень строгим аскетом. Он любил Отцов исихастов и трезвенников, и когда в 1951 г. был издан английский перевод «Добротолубия», именно о. Никон написал введение к нему. Он был глубоко православным и говорил, что Восточное Православие является величайшей ценностью Христианства, его единственной истиной.

Мы хотели бы завершить описание выдающихся русских монахов Святой Горы одним достойным упоминания событием, произошедшим в конце сороковых годов двадцатого века. В столице Афона, Карее, существует подворье монастыря Дионисиу, посвящённое святому первомученику и архидиакону Стефану. В тот год, в праздник святого Стефана, представитель монастыря в Священном Киноте о. Григорий попросил представителя Пантелеимонова монастыря о. Никострата, пожилого, смиренного иеродиакона, принять участие в службе вместе с иереем, поскольку у него не было диакона. На самом деле, рано утром добрый о. Никострат пришёл в положенное время, но, едва войдя в храм, где отцы читали Часы, он остановился, посмотрел в сторону алтаря и сказал им: «Зачем вы меня позвали, если у вас есть дьякон, который уже стихарь надел?» Отцы посмотрели на него, ничего не понимая, и спросили: «Где ты видишь дьякона, отец Никострат?» О. Никострат некоторое время молчал, потеряв дар речи, а потом ответил глубоко потрясённый, со слезами на глазах: «Это он был, я его увидел как живого, сияющего светом, в облачении и с кадилом в руке» – и указал на икону первомученика Стефана в иконостасе. Отцы были поражены произошедшим, восславили Господа и святого Стефана и в благоговении начали Божественную Литургию.

Это событие скрывало в себе глубокий символизм. Видение о. Никострата было продолжением опыта, о котором мы читаем в житиях Святых Отцов и

монахов. Вместе с тем, это было видение будущего, непоколебимой надежды и уверенности в том, что святые пребывают рядом с афонскими отцами и не оставляют их никогда, как не оставляет их и покровительница Святой Горы Богородица Дева Мария.

Антоний-Эмиль Н. Тахиаос

Заслуженный профессор Университета Аристотель, Фессалоники

Член-корреспондент Афинской Академии

Перевод с греческого: Катерина Ляку

Каталог выставки из собрания Афонского Фотоархива: Гора Афон. Образы Святого Места, «Индрик», Москва 2011, с. 44-61 (<http://gora-afon.ru/#/book>)

источник: agioritikesmnimes.blogspot.gr